БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.
№ 222.

Чарльсъ Робертсъ.

I.

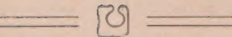
ВСЮДУ ЧУЖОЙ.

II.

ЦАРИЦА ЗОЛОТОГО ПРУДА.

Переводъ **П. А. Буланже.**

Съ рисунками.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва—1911.

Всюду чужой.

На краю луга, омываемаго скрывающейся въ лѣсу, задумчивой, тихой рѣчонкой Девекомъ, стояла одинокая хижина лѣсника. Стояла хижина въ лѣсной глуши, далеко отъ всякаго жилья, и до самаго близкаго поселка надо было итти цѣлый день. За хижиной стоялъ наскоро сбитый сарай, наполненный душистымъ сѣномъ, а около этого сарая пріютилась мазанка, сколоченная изъ бревенъ, заплетенная хворостомъ и вымазанная глиной. Все это устроилъ себѣ лѣсникъ въ августѣ. Онъ рѣшилъ обзавестись хозяйствомъ. Надоѣло ему заниматься охотой на своихъ дикихъ сосѣдей, которыхъ чѣмъ больше онъ выслѣживалъ и наблюдалъ, тѣмъ болѣе они ему нравились, тѣмъ болѣе казались ему родственными. Захотѣлось лѣснику имѣть въ своемъ одиночествѣ добраго товарища, который къ тому же и кормилъ бы его, и сталъ онъ мечтать о томъ, чтобы купить себѣ корову. Для этого будущаго товарища собралъ онъ въ сарай сѣно, для него-то и построилъ мазанку и такъ тщательно законопатилъ ее мхомъ и глиной, что коровѣ непремѣнно будетъ тепло въ долгую холодную зиму.

Когда все было готово, лѣсникъ отправился въ поселокъ торговать себѣ корову, которая давно уже ему приглянулась. Это была маленькая красная корова, съ крутыми рогами. Глядя въ ея большіе, влажные глаза, лѣсникъ почему-то проникался увѣренностью, что такая корова справится со всѣми опасностями лѣсной, уединенной жизни и сумѣетъ постоять за себя при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь дикимъ незнакомцемъ.

Къ своему удовольствію, лѣсникъ скоро сошелся съ хозяиномъ коровы въ цѣнѣ и на радостяхъ купилъ своей коровѣ колокольчикъ побольше и позвучнѣе, чтобы легче было разыскивать ее, если она отобьется отъ жилья далеко въ лѣсъ. Закупивъ кое-какихъ припасовъ, навѣсивъ коровѣ на шею колокольчикъ, лѣсникъ, довольный, отправился домой.

Круторогая красная корова скоро освоилась съ новымъ мѣстомъ. Ей понравилось и сѣно, посыпанное солью, и мягкая зелень лужка, и тихіе, заливные берега рѣчки Девека. Она съ важностью прогуливалась по лужку, постоянно давая знать о себѣ лѣснику позваниваніемъ колокольчика, и лѣсникъ не чувствовалъ себя уже такимъ одинокимъ. Онъ весело и спокойно работалъ, устраивая на зиму погребъ и вслушиваясь въ мелодичный звонъ, доносившійся съ лужка.

Въ томъ году выдалась необыкновенно засушливая осень. Дошло до того, что рѣчка Девекъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ пересохла, и старый лѣсникъ въ первый разъ въ своей жизни здѣсь увидалъ камни, торчавшіе на днѣ рѣки. Раньше обыкновеннаго опали листья съ деревьевъ, опали, не успѣвъ позолотить лѣсъ новымъ, красивымъ уборомъ. И среди оголенныхъ раньше времени деревьевъ только и оживляли увядшій лѣсъ темнозеленыя сосны и ели да высокія пихты. Потомъ въ лѣсу сталъ распространяться густой туманъ, сквозь который солнце казалось огненнымъ шаромъ. Туманъ этотъ былъ совсѣмъ особенный, не такой, какіе обыкновенно бывали здѣсь туманы, и старый лѣсникъ съ безпокойствомъ принюхивался къ доносимому вѣтромъ воздуху, догадываясь, что гдѣ-то далеко начался лѣсной пожаръ.

Съ этихъ поръ лѣсникъ сталъ тревожно присматриваться и принюхиваться. Лѣсной пожаръ—страшное бѣдствіе для лѣсныхъ обитателей. Всѣ они бѣгутъ, почуявъ его. Но кругомъ было все спокойно, и лѣсникъ сталъ тоже успокаиваться, рѣшивъ, что пожаръ слишкомъ далеко отъ этихъ мѣстъ и не угрожаетъ ему опасностью. Рѣшивъ такъ, лѣсникъ захотѣлъ воспользоваться сухой погодой и сходить въ поселокъ, чтобы закупить еще кое-чего себѣ на зиму, и вернуться въ тотъ же день къ ночи. Онъ спѣшилъ вернуться какъ можно скорѣе, чтобы не оставлять надолго корову безъ доенія и не испортить ее этимъ.

Съ утра въ тотъ день, когда лѣсникъ ушелъ, вѣтеръ сталъ задувать сильнѣе, и послѣ обѣда разыгралась настоящая буря,

и тотъ далекій лѣсной пожаръ, который началъ было стихать, разгорѣлся внезапно съ страшной силой. Голодные языки пламени съ неистовствомъ лизали сухую траву и съ страшной быстротой распространялись все дальше и дальше. Охватывая деревья, кустарники, пламя скоро домчалось до уединенной хижины лѣсника, и не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ отъ этого мирнаго пріюта остались только тлѣвшіяся головешки. Разъяренное пламя, жадно слизывая все попадавшееся ему по дорогѣ, перескочило черезъ рѣку и помчалось дальше и дальше на сѣверъ совершать свою разрушительную работу.

Прошло нѣсколько дней, пожаръ затихъ, и только тогда рѣшился лѣсникъ вернуться къ себѣ въ хижину. Съ разбитымъ сердцемъ стоялъ онъ на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ недавно еще былъ его домикъ. Отъ него осталась только одиноко торчавшая среди груды тлѣвшихъ головешекъ печка, казавшаяся особенно большой и страшной, да погребъ, который онъ успѣлъ наполовину вырыть. Грустно поникъ головой лѣсникъ, увидавъ, какъ погибло все то, надъ чѣмъ онъ столько трудился, гдѣ онъ привыкъ жить всѣ эти долгіе годы и гдѣ, кажется, всякая былинка была знакома ему. Побрелъ лѣсникъ къ поселку, къ чужимъ людямъ, у которыхъ ему надо было теперь просить пріюта.

Когда лѣсникъ по стоявшему въ лѣсу туману понялъ, что гдѣ-то вдали начался пожаръ, красная круторогая корова тоже начала съ безпокойствомъ осматриваться. И въ тотъ день, когда лѣсникъ ушелъ въ поселекъ, корова скоро поняла, что надвигается страшная опасность, и ей во-время удалось спастись отъ нея. Какъ только она завидѣла далеко отъ себя пламя, она бросилась бѣжать, но бросилась не въ ту сторону, куда дулъ вѣтеръ, а вбокъ. Перешла рѣчку, безумно помчалась по лугу за рѣчкой и, ломая кусты, натыкаясь на деревья, бѣжала все дальше и дальше. Въ ней, вѣроятно, проснулся инстинктъ, который она унаслѣдовала отъ своихъ далекихъ дикихъ предковъ, такъ какъ, если бы побѣжала она впередъ по вѣтру, она неминуемо погибла бы. Пламя, гонимое ураганомъ, бѣжало по травѣ и деревьямъ быстрѣе ея, и она скоро задохлась бы и сгорѣла. Теперь же огненная стихія осталась у нея въ сторонѣ, и скоро она очутилась въ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Но и тутъ она не могла успокоиться, въ ушахъ ея раздавался все еще ревъ урагана и трескъ горѣвшихъ деревьевъ. Съ дико озирающимися огромными глазами и широко разду-

вающимися ноздрями она бѣжала все дальше и дальше и остановилась только въ глубокомъ оврагѣ, совершенно выбившись изъ силъ. Она повалилась тутъ на траву и, тяжело дыша, съ ужасомъ глядѣла на далекое зарево пожара, покрывавшее собой чуть ли не половину неба.

На слѣдующій день корова побрела дальше, пока, наконецъ, не пришла къ рѣчкѣ Девеку, по берегамъ которой были луга. Жадно стала она пить воду. Хотя трава была и суха, но ея было тутъ въ изобиліи, да, кромѣ того, на окружающихъ холмахъ были молодыя поросли березы и ивы, можно было полакомиться ихъ молодыми, сочными побѣгами. Мѣсто показалось коровѣ удобнымъ, и она рѣшила остановиться тутъ. Когда стала спускаться темная осенняя ночь, корова или по привычкѣ, усвоенной на скотныхъ дворахъ, или тоже по какому-то невѣдомому намъ инстинкту начала искать себѣ убѣжища. Она забралась въ глубокій оврагъ, и нашла тамъ нѣчто въ родѣ пещеры, густо обросшей со всѣхъ сторонъ кустарниками и деревьями. Тутъ ей было такъ же удобно и покойно, какъ раньше въ стойлѣ, и, улегшись здѣсь головой къ выходу, она чувствовала себя довольно безопасно.

Хотя всѣ эти лѣса около Девека изобиловали звѣрями, но—удивительное дѣло!—куда бы ни двигалась круторогая красная корова, она нигдѣ никого не встрѣчала: вокругъ нея какъ будто все вымирало. Причиной этому былъ колокольчикъ на ея шеѣ. Куда бы она ни двигалась, колокольчикъ звенѣлъ, и всѣ лѣсные обитатели разбѣгались подальше, заслышавъ такой звукъ. Ночью, когда корова спала въ своемъ убѣжищѣ, къ ней не одинъ разъ подкрадывался какой-нибудь хищникъ, но стоило коровѣ повернуть головой, какъ звонилъ колокольчикъ, и хищникъ въ испугѣ скрывался. Ни одинъ медвѣдь, волкъ, даже пантера (а въ этой мѣстности въ это время жило двѣ пантеры) не рѣшались помѣриться силами съ этимъ удивительнымъ существомъ—красной коровой—съ такимъ удивительнымъ неслыханнымъ и непонятнымъ никому голосомъ.

Безпечально жила въ лѣсу корова до тѣхъ поръ, пока выпалъ снѣгъ и покрылъ толстымъ слоемъ траву на лугахъ. Но первый снѣгъ не былъ такъ страшенъ коровѣ, какъ наступившіе затѣмъ холода, сѣверные вѣтры и глубокій снѣгъ, залегшій въ ноябрѣ. Лѣсъ совершенно преобразился. Еловыя и сосновыя иглы сверкали на солнцѣ, и при малѣйшемъ прикосновеніи къ деревьямъ корову обсыпало пушистымъ снѣгомъ. Отъ

Въ этихъ мѣстахъ жили двѣ пантеры.

рѣзкаго холоднаго вѣтра можно было укрыться только въ такъ удачно выбранномъ коровой убѣжищѣ во рву. Но укрыться отъ холода—одно дѣло, а утолить свой голодъ—другое. Корова пробовала было разгребать снѣгъ копытами и докапываться до травы, но это становилось все труднѣй и труднѣй, да и докопавшись до травы, она находила такъ мало, что нечего было и думать утолять ею голодъ. Но голодъ дѣлалъ свое дѣло, и корова понемногу приспособлялась къ новой жизни. Она стала обгладывать молодые, торчащіе изъ снѣга побѣги на холмахъ и хотя сытой не бывала, но спасалась отъ голодной смерти. Теперь она старалась побольше лежать въ своемъ убѣжищѣ, чтобы согрѣться и поменьше ѣсть. Какъ бы то ни было, хотя и трудна была новая жизнь, но она выжила эту трудную, долгую зиму. И когда явилась, наконецъ, запоздавшая весна, когда снѣгъ на холмахъ сошелъ и показалась зеленая травка, корова была здорова, хотя у нея остались только кожа да кости.

Зажурчали вездѣ ручьи, зацвѣли цвѣты, птицы весело принялись за постройку своихъ гнѣздъ, появилось вездѣ въ природѣ изобиліе пищи, вездѣ царила радость, и въ жизни пустынницы-коровы произошло важное событіе: у нея родился теленокъ. Теленокъ происходилъ отъ породистаго отца, дурхамской породы, былъ темнаго, даже чернаго цвѣта. Когда теленокъ сталъ подрастать, въ немъ рѣзко обозначилась порода отца—сильная, широкая грудь, крѣпкія ноги, только глаза были материнскіе: такіе же круглые, огромные, влажные, съ любопытствомъ и интересомъ всматривавшіеся въ окружающій міръ. Скоро сказалась въ молодомъ теленкѣ и еще новая черта: ноги его были не только сильны, но и ловки. Онъ могъ бѣжать съ быстротой лани, а ударъ копытомъ былъ бы смертеленъ для неосторожнаго врага.

Лѣто прошло для этой пары чужихъ для этой пустынной жизни въ лѣсу существъ безъ всякихъ приключеній. Корма было въ изобиліи на лугахъ, и не являлось никакой надобности отправляться въ лѣсную чащу, гдѣ можно было наткнуться на какую-нибудь опасность. Но такая спокойная жизнь имѣла и невыгодную сторону: молодая мать, круторогая корова не имѣла того инстинкта, которымъ обладаютъ дикія матери. Она не могла научить своего молодого сынка двумъ важнымъ въ жизни дикихъ обитателей лѣса вещамъ: какъ заготовлять себѣ на зиму пищу и какъ уберечься отъ враговъ. На нѣко-

торое время, впрочемъ, и мать и сынъ были предохранены отъ опасностей. Спасительный колокольчикъ на шеѣ коровы дѣлалъ свое дѣло, и молодому теленку казалось, что весь этотъ лѣсъ былъ исключительно его царствомъ и въ этомъ царствѣ не было звѣря сильнѣе его. Нельзя же было считаться съ ползавшими букашками, порхавшими по деревьямъ птичками, да только изрѣдка съ любопытствомъ свѣшивавшейся съ вѣтки бѣлкой. Другихъ же звѣрей тутъ не было, какъ казалось черному бычку съ огромной крѣпкой головой на короткой шеѣ. Этимъ же лѣснымъ сосѣдямъ звонокъ коровы не былъ страшенъ, и они относились къ нему безразлично.

Только одинъ разъ въ этомъ году, уже поздней осенью, пришлось молодому быку столкнуться съ пантерой. Бычокъ лежалъ съ своей матерью на солнышкѣ на лугу у опушкѣ лѣса, беззаботно и съ аппетитомъ жуя жвачку. Въ это время длинная, пятнистая пантера, совершая свой путь, неожиданно натолкнулась на этихъ новыхъ жильцовъ пустыни и уставилась на нихъ. Она не была голодна, но въ ней сразу же зажглось любопытство, и пантера стала безшумно подкрадываться, глаза ея разгорѣлись, и, подкравшись шаговъ на двадцать къ матери съ сыномъ, она остановилась въ выжидательной позѣ. Красная круторогая корова сразу же почуяла смертельную опасность и быстро вскочила на ноги, зазвенѣвъ своимъ колокольчикомъ и нагнула голову, угрожая своими рогами страшному врагу. Тотчасъ же отскочила пантера назадъ, пугливо поджавъ хвостъ и боязливо оглядываясь на страннаго звѣря. Молодой черный быкъ составилъ о ней крайне невыгодное для пантеры представленіе. Ему и въ голову не могло притти, что не рога матери напугали кровожаднаго звѣря, а необычный звукъ колокольчика.

То же самое случалось потомъ и съ медвѣдями, которыхъ водилось много въ этихъ мѣстахъ. Они съ ненавистью и съ непобѣдимымъ недовѣріемъ относились къ страннымъ звукамъ колокольчика. Не будь этого колокольчика, они не задумались бы потягаться съ рогами коровы, и, должно быть, пѣсенка коровы была бы спѣта еще до наступленія зимы, но благодѣтельный колокольчикъ неизмѣнно спасалъ ее. Молодой быкъ ни разу даже не видалъ вблизи медвѣдя, а ему приходилось только нѣсколько разъ наблюдать издали, какъ медвѣдь со страхомъ удиралъ отъ матери-коровы, и бычокъ сталъ презрительно относиться къ этимъ трусишкамъ медвѣдямъ. Охъ, и

опасное же было это презрѣніе для дальнѣйшей жизни молодого быка! Но ни коровѣ, ни быку ни разу не довелось въ это лѣто наблюдать рысь. Рысь бывала близко отъ нихъ, безшумно передвигаясь своими мохнатыми, пушистыми лапами, но никогда не рѣшалась показаться этимъ страннымъ звѣрямъ и помѣряться съ ними силами,—слишкомъ ужаснымъ казался ей звукъ колокольчика. И въ то же время, когда рысь слышала ревъ коровы, этотъ ревъ наполнялъ сердце ея удивленіемъ: ей не приходилось слышать среди своихъ соотечественниковъ по лѣсамъ такихъ звуковъ. Страшное любопытство толкало ее ближе и ближе къ этимъ звѣрямъ, но осторожность и страхъ, эти ангелы-хранители дикихъ, все-таки удерживали ее отъ болѣе близкаго знакомства.

Слѣдующая зима была одна изъ самыхъ тяжкихъ для лѣсныхъ обитателей Девека. По мѣрѣ того, какъ надвигалась зима и снѣгъ становился все глубже, убѣжище коровы съ ея сыномъ окружалось все болѣе и болѣе тѣснымъ кольцомъ слѣдовъ рысей. Но ни круторогая корова, ни черный быкъ не придавали этимъ слѣдамъ особеннаго значенія; они и представить себѣ не могли, что эти слѣды говорили имъ о какой-нибудь опасности. Однажды явились къ убѣжищу двѣ пантеры и уставили на мать съ сыномъ свои желтые, свѣтлые злые глаза. Но и они не рѣшились все-таки приблизиться. Корова встряхнула головой и уставила въ нихъ угрожающе свои рога. Быкъ тоже сердито тряхнулъ головой и съ угрозой выставилъ свой широкій лобъ съ торчавшими маленькими, колючими рогами. Пантеры скрылись мгновенно. Ужасъ обуялъ ихъ, но, конечно, не потому, что они испугались роговъ матери или свирѣпаго взгляда сына, а ужасъ этотъ нагналъ на нихъ все тотъ же страшный и непонятный имъ звукъ колокольчика.

Когда лѣто слѣдующаго года подходило къ концу, трава на холмахъ стала желтѣть и листья съ деревьевъ осыпаться, на этотъ мирный лужокъ, въ которомъ столько времени царствовали невозбранно круторогая корова съ сыномъ, явилась неумолимая судьба, противъ которой оказался безсильнымъ и звонъ колокольчика. По рѣчкѣ Девеку плылъ въ лодкѣ индѣецъ, направляясь къ устью рѣки, въ море. На глаза ему попалась пасшаяся мирно на лугу корова. Индѣецъ хорошо зналъ, что тутъ въ окрестностяхъ не было никакого поселка бѣлыхъ людей, а слѣдовательно, корова эта отбилась отъ стада и теперь не составляла ничьей собственности. Индѣйцу нужно

было мясо, изъ кожи коровы онъ могъ надѣлать себѣ и семьѣ своей мокассиновъ. Онъ это сообразилъ, досталъ ружье, прицѣлился, раздался короткій, сухой звукъ выстрѣла, и все замерло вокругъ. Птицы, которыя до сихъ поръ занимались своими дѣлами и беззаботно покрикивали въ кустахъ и деревьяхъ, смолкли, любопытная бѣлка, хотѣвшая было перепрыгнуть на другое дерево, замерла на мѣстѣ и прижалась къ стволу. Молодой черный быкъ, пасшійся въ это время въ низкой поросли, услыхавъ необычный звукъ выстрѣла, пораженный невѣдомымъ ему до тѣхъ поръ ужасомъ, выскочилъ изъ этой поросли и помчался со всѣхъ ногъ въ густой, высокій лѣсъ.

Только одна круторогая корова осталась на мѣстѣ. Она сразу опустилась на переднія ноги, рѣзко тряхнула головой, при чемъ колокольчикъ издалъ какой-то странный, дикій звонъ, потомъ кашлянула и совсѣмъ повалилась на землю. Съ радостнымъ воплемъ выскочилъ изъ своей лодки индѣецъ, подбѣжалъ къ коровѣ и быстро закончилъ свое дѣло.

Когда все успокоилось и индѣецъ уѣхалъ, когда жизнь кругомъ потекла снова своимъ русломъ, вернулся изъ лѣсной чащи и молодой черный быкъ. Онъ разыскивалъ мать, да къ тому же хотѣлъ напиться изъ рѣки на обычномъ мѣстѣ. Но когда онъ подходилъ къ рѣкѣ, его обоняніе уловило отвратительный запахъ крови, а идя дальше, онъ наткнулся на ужасное зрѣлище — на красныя лужи крови и куски мяса. Ужасъ и безуміе овладѣли быкомъ. Глаза его налились кровью, весь онъ затрясся отъ бѣшенства, сталъ рыть землю копытами, затѣмъ поднялъ хвостъ и, съ полными бѣшенства и ужаса глазами, скрылся въ чащѣ лѣса.

Съ этой поры черный быкъ никогда не рѣшался и близко подходить къ этому ужасному мѣсту. И хотя день за днемъ онъ одиноко бродилъ и звалъ свою мать, онъ уже не разыскалъ ту, которая такъ внезапно исчезла изъ его жизни.

Наконецъ, онъ какъ будто понялъ въ чемъ дѣло. Когда уходило солнце и освѣщало покидаемыя имъ мѣста своими послѣдними лучами, черный быкъ взбирался на какой-нибудь холмъ, упирался надъ обрывомъ передними ногами и испускалъ торжественный крикъ—призывъ. Потомъ бывало замолчитъ и долго неподвижно стоитъ, ожидая отвѣта. И по мѣрѣ того, какъ онъ каждый вечеръ упражнялся въ этомъ призывѣ, голосъ его становился звучнѣе, увѣреннѣе, въ тонѣ этого голоса появля-

лось что-то новое, какая-то могучая, царственная нота, и взоръ его, которымъ онъ оглядывалъ разстилавшуюся у ногъ его даль, становился безстрашнѣе.

Снова явилась осень на берега Девека. Заклубился легкій осенній туманъ по лугамъ, позлатились листья березъ, яркимъ пурпуромъ отливали ягоды шиповника и грозди рябины. Къ этому времени черному быку исполнилось уже два года, онъ сталъ огромнымъ быкомъ, широкоплечимъ, массивнымъ, съ кудрями между рогъ на головѣ. Рога у него были короткіе, прямые, заостренные и угрожающе торчали съ обѣихъ сторонъ широкаго крѣпкаго лба. Хотя онъ былъ еще молодой, но его массивная фигура казалась очень внушительной и грозной тѣмъ его лѣснымъ сосѣдямъ, которые сталкивались съ нимъ.

Молодой черный быкъ увидалъ теперь, что лѣсъ не былъ вовсе такимъ пустыннымъ, какъ это казалось ему раньше. Съ тѣхъ поръ какъ прекратился звонъ мѣднаго колокольчика, его лѣсные сосѣди не прятались отъ него. До сихъ поръ быку приходилось только видѣть бѣлку да, быть-можетъ, безстрашнаго философа ежа. Теперь же нерѣдко наблюдалъ онъ змѣинообразную выдру, охотившуюся за рыбой, красную лисицу, тихо кравшуюся по полянкѣ, или хитрую ласочку, истреблявшую зайчатъ, которыхъ, какъ казалось быку, развелось теперь въ лѣсу необычайно много. Всѣ эти звѣри возбуждали любопытство и интересъ въ быкѣ. Сначала, завидя ихъ, онъ фыркалъ, потомъ направлялся къ нимъ, принюхиваясь и мотая головой, но какъ только онъ старался подойти еще ближе, сосѣди его мгновенно исчезали. Только лисица дѣйствовала въ этомъ отношеніи иначе. Она подпускала къ себѣ быка на безопасное разстояніе, потомъ отбѣгала нѣсколько отъ него и вообще не проявляла особаго страха и почтенія передъ любопытнымъ быкомъ. Такое неуваженіе, а также и сильный мускусный запахъ, исходившій отъ лисицы, чрезвычайно раздражали быка, и онъ съ бѣшенствомъ бросался на лисицу. Но лисица ловко исчезала и снова появлялась въ сторонѣ отъ быка, какъ бы насмѣхаясь надъ нимъ. Продѣлывала лисица эти штуки до тѣхъ поръ, пока быку начинало надоѣдать это занятіе, и онъ бросалъ его.

Слѣдующимъ важнымъ знакомствомъ для быка было знакомство съ рысью. Какъ-то быкъ лежалъ подъ краснымъ кленомъ и лѣниво пожевывалъ молодой сочный побѣгъ деревца, наблюдая, какъ шагахъ въ десяти отъ него теръ свои ушки

кроликъ. Вдругъ передъ нимъ и лѣсомъ безшумно встала какая-то сѣрая тѣнь и скрыла отъ него кролика. Раздался рѣзкій пискъ, слабый шорохъ, и затѣмъ рысь, запустивъ когти одной лапы въ свою жертву, обернулась къ темной, огромной фигурѣ быка, лежавшаго подъ кленомъ. Въ томъ взглядѣ, которымъ рысь глядѣла на быка, былъ несомнѣнный вызовъ. Движимый любопытствомъ и негодованіемъ, молодой быкъ вскочилъ на ноги, заворчалъ, ударилъ нѣсколько разъ копытами о землю и выскочилъ къ дерзкому врагу. Но рысь, очевидно, сообразила, что въ данный моментъ она не готова къ борьбѣ, къ тому же она была голодна,—а потому, схвативъ зубами задушеннаго кролика, она въ нѣсколько прыжковъ очутилась въ лѣсу, далеко отъ быка.

Черезъ нѣсколько дней, когда быкъ опять лежалъ у своего клена и беззаботно поглядывалъ на окрестности, мимо него лѣнивой походкой тянулъ на водопой своей излюбленной тропой медвѣдь. Быкъ тотчасъ же вскочилъ на ноги и принялъ оборонительно-угрожающую позу, онъ почувствовалъ, что передъ нимъ находился ужасный врагъ. Но медвѣдь, досыта наѣвшійся лѣсныхъ ягодъ, которыхъ было теперь въ изобиліи, былъ въ самомъ мирномъ и добродушномъ настроеніи. Онъ бросилъ на быка косой взглядъ своихъ маленькихъ, лукавыхъ глазъ и, не обращая вниманія, двинулся дальше. И быкъ, видя, что нѣтъ повидимому никакихъ поводовъ къ ссорѣ, сомнительно посопѣлъ, раздувъ ноздри, и, проводивъ удалявшагося медвѣдя сердитымъ взглядомъ, снова улегся на свое любимое мѣсто. Послѣ этого быкъ видѣлъ еще нѣсколькихъ медвѣдей, но въ эту пору года всѣ они были сыты и лѣнивы.

Но въ одинъ злосчастный день, возвращаясь съ водопоя, быкъ столкнулся носъ къ носу съ медвѣдемъ. Медвѣдь былъ, повидимому, удивленъ и остановился. Затѣмъ онъ нѣсколько присѣлъ на заднія лапы и какъ будто намѣревался свернуть съ дороги и обойти быка. Затѣмъ раздумалъ, остался на мѣстѣ, и хотя въ данный моментъ онъ былъ въ добродушномъ настроеніи, но не прочь былъ позаботиться и о своемъ достоинствѣ, какъ это приличествуетъ всякому порядочному медвѣдю. Быкъ же испытывалъ совсѣмъ иное: онъ пришелъ въ бѣшенство отъ того, что какой-то звѣрь осмѣлился стать ему поперекъ дороги. Къ несчастью своему, онъ припомнилъ также нѣсколько случаевъ изъ своей жизни съ матерью, когда встрѣчавшіеся медвѣди поспѣшно давали ей дорогу и скрывались

въ лѣсу. И вотъ съ сердитымъ ревомъ, поднявъ хвостъ и опустивъ голову, онъ бросился на врага. Медвѣдь, ловко уклонившись отъ перваго удара и отскочивъ въ сторону, приподнялъ переднюю лапу и нанесъ ею здоровенный ударъ быку по загривку. Ударъ пришелся, къ счастью для быка, по тому мѣсту, гдѣ мускулы были особенно сильны и натянуты, какъ веревки, иначе медвѣдь переломилъ бы этимъ ударомъ шею быка. Быкъ упалъ на переднія лапы, обливаясь кровью изъ раны. Онъ сразу сообразилъ, что ему не подъ силу тягаться съ взрослымъ медвѣдемъ. Рыча отъ боли и обиды, онъ поднялся на ноги, устремился въ лѣсъ и скрылся въ своемъ убѣжищѣ въ оврагѣ. И когда, черезъ нѣсколько дней, ему снова довелось повстрѣчаться съ медвѣдемъ, онъ поспѣшилъ свернуть съ дороги и скрылся въ лѣсу.

Среди дикихъ обитателей, такъ же какъ и среди нашего брата, стоитъ разъ быть побитымъ, чтобы это послужило хорошимъ урокомъ на будущее, звѣрей же это спасаетъ отъ неминуемой ближайшей гибели. Въ то время, какъ черный быкъ страдалъ еще отъ не зажившей раны, въ эти же мѣста явился лось съ огромнѣйшими рогами. Лось былъ чрезвычайно удивленъ при видѣ коротконогаго чернаго звѣря, очевидно, принадлежавшаго къ его семьѣ. Случилась эта встрѣча въ тотъ періодъ, когда лось искалъ себѣ подругу, и потому удивленіе его сейчасъ же перешло въ крайнее негодованіе. Черный быкъ, не придавая особеннаго значенія этой встрѣчѣ, по обыкновенію своему заревѣлъ, такъ какъ дѣло происходило вечеромъ. Лось отвѣтилъ грубымъ, переливчатымъ ревомъ, бросился къ нему сквозь кусты и угрожающе выставилъ свои огромнѣйшіе рога, готовясь къ нападенію. Удивленный и оскорбленный быкъ смѣло стоялъ на своей позиціи и при первомъ нападеніи грозилъ лосю своими рогами въ лобъ между развѣсистыхъ лосиныхъ рогъ. Но, несмотря на свою смѣлость, быкъ не былъ настолько крѣпокъ и силенъ, чтобы выдержать натискъ такого сильнаго противника и, послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы, былъ сбитъ съ ногъ и скатился въ воду.

Весь слѣдующій день черный быкъ тихо страдалъ, но когда настала ночь, онъ, съ сердцемъ, полнымъ негодованія, и съ глазами, налитыми кровью, отправился на откосъ—мѣсто вчерашняго поединка. Онъ увидалъ опять лося, но теперь ужъ не одного, а съ подругой, которая нѣжно облизывала шею и уши своего друга. При видѣ этого быкъ загорѣлся вдругъ безум-

нымъ бѣшенствомъ; онъ не могъ себѣ дать отчета, откуда такое бѣшенство, но въ этомъ состояніи для него было все безразлично, онъ готовъ былъ броситься хотя на слона. Но лось, которому теперь мѣшали, былъ гораздо опаснѣе, чѣмъ наканунѣ ночью. Съ быстротой вихря бросился онъ на дерзкаго быка, и молодой быкъ былъ въ мгновеніе ока опрокинутъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ былъ жестоко искалѣченъ и едва-едва продирался съ жалобнымъ ревомъ сквозь кусты. Нѣсколько недѣль не рѣшался онъ послѣ этого показываться на открытыхъ мѣстахъ, прятался въ кустахъ и зализывалъ свои раны, стараясь примириться съ тѣмъ униженіемъ, которое онъ перенесъ.

Лось.

Зима въ тотъ годъ наступила рано, жестокіе холода загнали медвѣдей въ ихъ теплыя берлоги на зимній сонъ до того времени, какъ они проголодались и стали опасны. Рыси теперь не пугались необыкновеннаго звука колокольчика и подкрадывались смѣлѣе къ логовищу быка во рву, жадно поглядывали на него, но горѣвшіе ненавистью и раздраженіемъ глаза быка заставляли ихъ быть осторожнѣе, и онѣ не рѣшались напасть. Даже и тогда, когда наступили жесточайшіе холода и рыси бродили стаями, онѣ не рѣшались напасть на быка.

Когда явилась слѣдующая весна, то быкъ окончательно возмужалъ и окрѣпъ. Ему теперь было уже три года; онъ все чаще и чаще испытывалъ какую-то непонятную тоску.

Стали выходить изъ берлогъ своихъ голодные медвѣди, но быкъ теперь былъ слишкомъ силенъ и ужасенъ, чтобы мѣряться съ нимъ силами. Разъ или два медвѣди пытались было поучить быка, но такъ жестоко пострадали при этихъ урокахъ, что больше не рѣшались нападать и, завидя издали черную огромную фигуру, съ злыми, раздраженными глазами, спѣшили уйти съ дороги въ чащу лѣса. Слишкомъ живо было въ быкѣ воспоминаніе о перенесенныхъ въ прошломъ году униженіяхъ, и онъ съ яростью бросался на каждаго медвѣдя, который попадался ему на глаза.

Чѣмъ больше приближалось лѣто къ концу, тѣмъ больше и больше росли въ быкѣ тоска и непонятное безпокойство. Часами простаивалъ онъ на склонѣ дня, подъ лучами заходящаго солнца на высокомъ обрывѣ и дико ревѣлъ, вытянувъ шею. Затѣмъ онъ останавливался, прислушивался, не будетъ ли отвѣта, хотя и не зналъ, отъ кого ему можно ждать этого желаннаго отвѣта.

Наконецъ наступилъ и октябрь. Весь лѣсъ былъ залитъ серебристымъ луннымъ свѣтомъ, всякій звѣрь имѣлъ свою подругу, все въ природѣ дышало нѣжностью, и быкъ въ своемъ одиночествѣ доходилъ до отчаянія. Никогда раньше онъ не испытывалъ ничего подобнаго. Однажды ночью, стоя на обрывѣ, онъ замѣтилъ на песчаномъ берегу рѣки самку лося. Онъ очень заинтересовался и сталъ двигаться по направленію къ ней. Когда она вытянула свою голову и испустила призывный зовъ, онъ отвѣтилъ ей ревомъ, въ которомъ зазвучали мягкія, нѣжныя ноты. Но въ тотъ же самый моментъ въ отвѣтъ на зовъ самки лося раздался отвѣтъ кого-то другого, голосъ совсѣмъ иной, чѣмъ быка, и огромный лось смѣло и дерзко выскочилъ на песокъ.

Сердце быка загорѣлось бѣшенствомъ и негодованіемъ. Съ дикимъ ревомъ бросился онъ внизъ съ высокаго холма. Лось, заслыша противника, обернулся и готовился достойно встрѣтить его. Но ему оказалось не подъ силу вынести натискъ огромной черной массы быка, надвигавшагося на него съ неестественной для быка быстротой. Получивъ сильный ударъ, лось поспѣшилъ скрыться въ лѣсъ, спасая свою жизнь. Довольный своей побѣдой, быкъ поднялъ голову и обернулся къ лосихѣ.

Лосиха, какъ и полагается въ такихъ случаяхъ, спокойно ожидала, чѣмъ кончится поединокъ, но почему-то стала колебаться, почуявъ желаніе быка приблизиться къ ней. Когда быкъ сталъ приближаться къ ней и былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ, удивленіе ея смѣнилось ужасомъ. Его порода, его черная шерсть, его квадратная, могучая голова, огромные глаза и короткая, въ складкахъ, шея вызвали въ ней непобѣдимое отвращеніе. А потомъ голосъ быка, хотя и былъ, безъ сомнѣнія, нѣженъ и ласкающъ, но былъ совсѣмъ, совсѣмъ чужой, былъ не тотъ, къ которому привыкъ съ дѣтства ея слухъ. И съ дикимъ фырканьемъ отвернулась лосиха отъ быка и полетѣла въ лѣсъ съ такой быстротой, что быку нечего было и думать догонять ее.

Послѣ этого приключенія одиночество сдѣлалось быку совершенно невыносимымъ. Онъ сталъ такъ золъ, что то и дѣло бродилъ по лѣсу, разыскивая медвѣдей, чтобы хотя на нихъ выместить свою злобу. Наступившая зима нѣсколько охладила его пылъ, и къ веснѣ онъ сталъ немного добродушнѣе. Но теперь его обуяла страсть къ скитаніямъ, и онъ бродилъ и бродилъ по лѣсу, изрѣдка возвращаясь къ лугу и рѣкѣ, чтобы напиться.

Однажды послѣ обѣда въ жизни быка случилось новое событіе. Раздраженно бродилъ онъ недалеко отъ рѣки, какъ вдругъ услыхалъ голоса, которые привлекли его вниманіе. Быкъ сталъ зорко и гнѣвно всматриваться туда, откуда шли голоса. Въ это время по рѣкѣ вверхъ по теченію плыла лодка, гребли двое. Лодка двигалась медленно, борясь съ теченіемъ. Всматриваясь въ сидѣвшихъ въ лодкѣ людей, быкъ сталъ вспоминать нѣчто ужасное изъ своей жизни. Онъ вспомнилъ рѣзкій, короткій выстрѣлъ, вслѣдствіе котораго онъ обезумѣлъ отъ страха въ тотъ день, когда исчезла красная круторогая корова. Онъ вспомнилъ ужасное зрѣлище крови и мяса на лугу у рѣки, на томъ мѣстѣ, котораго онъ уже не посѣщалъ съ тѣхъ поръ. И глаза его сразу налились кровью. Съ бѣшенымъ ревомъ устремился онъ внизъ съ холма и бросился прямо въ рѣку къ лодкѣ.

Люди, плывшіе въ лодкѣ, были очень удивлены, но тотчасъ же сообразили, что положеніе ихъ не безопасно, и стали грести къ другому берегу. Одинъ изъ нихъ положилъ весла и потянулся за ружьемъ. Но другой сталъ его отговаривать:

— Ну, что хорошаго стрѣлять въ него? Развѣ это охота?

Часами простаивалъ онъ подъ лучами заходящаго солнца на обрывѣ.

Зачѣмъ намъ этотъ быкъ, будь это лось—другое дѣло. Отъѣдемъ немного, и онъ до насъ не доберется. Оставь его.

— Ладно,—отвѣчалъ другой, кладя ружье и снова берясь за весла.—Но посмотри-ка на него: вѣдь онъ великолѣпенъ? Только, должно быть, бѣшеный. Какъ однако онъ могъ попасть сюда, какъ ты думаешь?

— Заблудился, должно быть, отбившись отъ стада.—И говорившій это снова налегъ на весла, борясь съ теченіемъ, которое относило лодку назадъ.

Путешественники продолжали свой путь въ лодкѣ, изворачиваясь между камнями и мелями, но и быкъ, снѣдаемый яростью, не отставалъ отъ нихъ и брелъ по брюхо въ водѣ, иногда увязая въ тинистомъ берегу, захлебываясь водой, но не спуская съ людей въ лодкѣ налитыхъ кровью глазъ. Наконецъ, онъ попалъ на глубокое мѣсто, сталъ тонуть и, видя, что ему не угоняться за лодкой, началъ выкарабкиваться на берегъ. Но и выйдя на берегъ, онъ все-таки продолжалъ еще нѣсколько верстъ слѣдовать за лодкой, пока не завязъ въ болотѣ. Быкъ сталъ обходить болото, а лодка въ это время совершенно скрылась отъ него въ извилистыхъ поворотахъ рѣки.

Теперь онъ очутился въ совершенно неизвѣстныхъ ему мѣстахъ за много верстъ оттуда, гдѣ онъ привыкъ жить до сихъ поръ. Его ярость и раздраженіе противъ людей уже угасли, и вмѣсто этого какой-то слабый, чуть замѣтный инстинктъ, заставлялъ его итти за ними все дальше и дальше, ища себѣ товарищества. Явись снова передъ нимъ эти люди, можетъ-быть, онъ опять разгорѣлся бы яростью. Но когда люди исчезли ужъ, онъ чувствовалъ одно—ему нужно было итти за ними. Какое-то смутное предчувствіе говорило ему, что тамъ, только тамъ, гдѣ живутъ эти люди, онъ можетъ облегчить свое ужасное одиночество.

Онъ обошелъ болото, снова вышелъ на берегъ рѣки и поплелся вверхъ по берегу рѣки, время отъ времени останавливаясь, чтобы попастись на сочномъ лугу и утолить свой голодъ. Онъ навсегда ушелъ теперь изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прожилъ столько времени, и стремился въ тѣ неизвѣстныя мѣста, гдѣ, онъ чувствовалъ, и была его настоящая жизнь.

Путешествуя такимъ образомъ дня два, быкъ вступилъ въ выжженную часть лѣса. Его любопытство возбудила черная труба, торчащая среди обуглившихся развалинъ недалеко отъ рѣки. Поскорѣе двинулся онъ черезъ пожарище и въ исходѣ

четвертаго дня своихъ поисковъ вступилъ на пастбище, бывшее около поселка.

Здѣсь онъ наткнулся на изгородь, которая не поддавалась его усиліямъ. Съ удивленіемъ остановился онъ передъ нею и сталъ фыркать. Тамъ, за изгородью, вырисовывалась какая-то фигура, похожая на него самого, только красная съ бѣлымъ. Животное это встало и съ удивленіемъ стало разглядывать пришельца. Не будь это животное такого цвѣта, быкъ рѣшилъ бы, что это его красная круторогая мать, которая исчезла такъ неожиданно два года назадъ. Да, это что-то родное. Это и есть предметъ его исканій. Съ земли поднялось еще двѣ-три коровы и нѣсколько телятъ. Онъ перегнулся къ нимъ черезъ изгородь, нѣжно сталъ ворчать, и коровы поглядывали на него съ дружелюбнымъ интересомъ. И вдругъ, заревѣвъ отъ радости, отъ безумной радости, быкъ бросился всей силой, всей тяжестью своего тѣла на изгородь, проломилъ ее и очутился среди стада, полновластнымъ господиномъ котораго онъ становился съ этого момента. Ни отъ кого не послѣдовало никакого протеста. И коровы и телята сразу признали права владычества надъ ними этого чернаго иноземца, и скоро черный быкъ сталъ мирно и покойно пастись среди стада; сердце его исцѣлилось отъ чувства ужаснаго одиночества, которое такъ мучило его послѣднее время.

А къ этому времени два путешественника въ лодкѣ, которые повстрѣчались съ быкомъ, вернулись въ поселокъ и разсказали о своей странной встрѣчѣ съ быкомъ. Въ то время, какъ они разсказывали объ этомъ приключеніи небольшой кучкѣ слушателей, собравшихся въ бакалейной лавочкѣ, среди собравшихся находился и лѣсникъ, хижина котораго въ лѣсу сгорѣла нѣсколько лѣтъ тому назадъ; лѣсникъ этотъ съ большимъ интересомъ прислушивался къ разсказу.

— Готовъ побиться о какой угодно закладъ, что это мой быкъ!—воскликнулъ онъ возбужденно, выслушавъ разсказъ. — Этотъ быкъ, должно быть, отъ той красной коровы, которую я купилъ здѣсь еще до пожара.

Лѣсникъ сталъ разсказывать, какъ было дѣло, и слушатели скоро согласились, что, пожалуй, лѣсникъ былъ и правъ.

Когда, нѣсколько дней спустя, старикъ лѣсникъ, пойдя на пастбище доить коровъ, замѣтилъ среди стада огромную фигуру быка, онъ сразу же догадался въ чемъ дѣло. Къ счастью для себя, старикъ, увидѣвъ быка, тотчасъ принялъ мѣры пре-

досторожности. Вмѣсто того, чтобы итти по обыкновенію съ ведромъ на лугъ, онъ отперъ ворота, а самъ сталъ около скотнаго двора и началъ подзывать коровъ. Услышавъ знакомый зовъ, коровы подняли головы и лѣниво поплелись къ открытымъ воротамъ, которыя были нѣсколько въ сторонѣ отъ дома и отъ скотнаго двора. Быкъ тоже поднялъ голову, но рѣшилъ совсѣмъ иное. Онъ увидалъ человѣка, и глаза его сразу налились кровью. Онъ сталъ взрывать копытами землю, поглядѣлъ дикимъ взглядомъ на удалявшихся отъ него коровъ и устремился прямо на неизвѣстнаго ему врага. Быкъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе ко всему тому, что устраивалъ человѣкъ, но самого человѣка онъ ненавидѣлъ всѣми силами своего мощнаго сердца.

Старикъ лѣсникъ замѣтилъ, что быкъ устремился, но не къ воротамъ, а къ изгороди.

„Ну, изгородь остановитъ его, и онъ остынетъ",—проговорилъ про себя лѣсникъ, вполнѣ полагаясь на прочную изгородь.

Но не тутъ-то было! Дикій быкъ не чувствовалъ рѣшительно никакого уваженія къ святости изгороди. Прочные столбы дрогнули и разсыпались подъ напоромъ быка. Лѣсникъ покачалъ головой и вскочилъ въ конюшню, захлопнувъ за собой дверь.

Быкъ былъ чрезвычайно удивленъ внезапнымъ исчезновеніемъ своего врага, остановился на минуту, сталъ фыркать, потомъ бросился вокругъ конюшни поглядѣть, не спрятался ли его врагъ съ другой стороны. Раза два обѣжалъ онъ безуспѣшно вокругъ конюшни, ярость его все увеличивалась, такъ какъ онъ не могъ ни на чемъ дать ей выхода. Вдругъ онъ увидалъ лицо человѣка, спокойно наблюдающаго за нимъ въ окно конюшни.

Онъ остановился передъ окномъ, сталъ яростно взрывать копытами землю, ревѣть и нагнулъ голову, собираясь броситься. Старикъ лѣсникъ не зналъ, какъ ему быть. Очень хотѣлось ему имѣть въ своемъ стадѣ такого великолѣпнаго быка, но съ другой стороны онъ начиналъ соображать, что трудно имѣть дѣло съ такимъ быкомъ и какъ бы не надѣлалъ онъ большихъ бѣдъ. Лѣсникъ рѣшилъ скрыться въ домъ. Онъ открылъ дверь конюшни и въ то время, какъ быкъ устремился къ нему въ конюшню, взобрался на сѣновалъ и оттуда спустился съ другой стороны конюшни. Ему хотѣлось обѣжать конюшню и запереть дверь, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ за-

переть въ конюшнѣ и быка. Но это ему не удалось. Быкъ, не найдя человѣка въ конюшнѣ, выскочилъ оттуда, и лѣснику пришлось напрячь всѣ свои силы, чтобы спастись въ домъ. Едва лѣсникъ вскочилъ въ кухню и заперъ за собой дверь, какъ быкъ, бѣжавшій за нимъ по пятамъ, уперся въ эту дверь и сталъ въ бѣшенствѣ рыть землю и ревѣть.

„Какъ быть? Что мнѣ съ нимъ дѣлать?“ — раздумывалъ лѣсникъ.

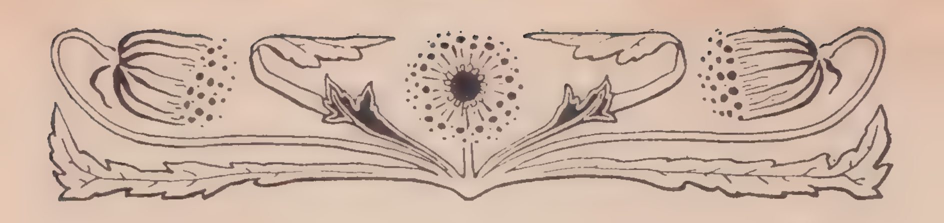
Въ это время быкъ вдругъ остановился и сталъ прислушиваться. Потомъ онъ обернулъ голову и побѣжалъ къ дорогѣ. По направленію отъ дороги раздавались звонкіе дѣтскіе голоса, и старикъ лѣсникъ, взглянувъ туда, куда направился быкъ, къ ужасу своему, увидѣлъ группу дѣтей, беззаботно и весело направлявшихся въ школу. Среди дѣтей онъ увидалъ дѣвочку, одѣтую въ красное платье. Быкъ тоже замѣтилъ ее. Онъ сразу же забылъ о своемъ врагѣ въ кухнѣ. Дико заревѣлъ онъ, взмахнулъ хвостомъ и помчался къ дорогѣ.

Лѣсникъ понялъ, что думать было некогда, надо было дѣйствовать рѣшительно. Онъ схватилъ со стѣны всегда висѣвшее наготовѣ ружье, сбѣжалъ съ крыльца кухни и закричалъ на быка. Огромное черное животное остановилось и стало озираться, глухо ворча. Быкъ, повидимому, начиналъ колебаться, не вернуться ли опять къ прежнему врагу. Потомъ онъ снова обернулся къ дорогѣ и сталъ разглядывать дѣтей. Къ какому врагу устремиться скорѣе?

Пока быкъ раздумывалъ такимъ образомъ, прозвучалъ выстрѣлъ, и свинцовая пуля впилась быку между лопатокъ. Онъ двинулся впередъ и упалъ на переднія ноги, поднявъ хвостъ и безпомощно помахивая имъ. Еще моментъ—и быкъ повалился на бокъ.

Старикъ лѣсникъ подбѣжалъ къ упавшему быку. Онъ уже кончился. Глаза старика наполнились слезами.

— Погибъ!—проговорилъ лѣсникъ.—Погибъ, бѣдняга! Лѣсъ не принялъ тебя, и къ людямъ ты не захотѣлъ приспособиться. Всюду чужой ты былъ. Какая же тебѣ выпала тяжелая доля, и какъ мнѣ больно, что я же и погубилъ тебя!

Царица Золотого пруда.

Одинъ берегъ этого пруда былъ низкій, съ зеленымъ лужкомъ, на которомъ, красиво выбрасывая вверхъ свои цвѣты, росъ шпажникъ. Бахрома зеленой муравы лужка спускалась прямо къ водѣ и оттѣняла ее въ этомъ мѣстѣ, какъ рѣсницы огромнаго глаза. По лужку протекалъ чистый ручей, который, за его прозрачную воду назвали Прозрачнымъ. Ручей этотъ вѣчно торопился къ Золотому пруду отъ далекихъ холмовъ, гдѣ онъ былъ много сердитѣе, чѣмъ здѣсь. Тамъ онъ громко журчалъ, какъ будто постоянно сердясь и ворча на то, что такъ медленно течетъ и не поспѣетъ во-время къ мѣсту своего отдохновенія, къ этому тихому, задумчивому пруду. Но когда ручей притекалъ по изумрудной зелени лужка все ближе и ближе къ пруду, онъ понемногу успокаивался, и только изрѣдка пѣнился при поворотахъ.

Тамъ, гдѣ ручеекъ втекалъ въ прудъ, было самое мелкое мѣсто, постепенно углублявшееся дальше къ серединѣ пруда. На этой отмели ярко отражался со дна золотисто-желтый песокъ, и поэтому въ яркіе солнечные дни, прудъ казался здѣсь золотистымъ. Поэтому-то и назвали его Золотымъ.

Противоположный берегъ пруда былъ крутой и обрывистый. На немъ росли березки, тополи и ивы, свѣшивавшіеся своими кудрявыми, покрытыми богатой листвой, верхушками къ пруду и какъ будто любовавшіеся своимъ отраженіемъ на его зеркальной поверхности. У этого берега было самое глубокое мѣсто пруда; вода была темная, прозрачная, и въ этой водѣ постоянно дрожали и волновались причудливыя тѣни отъ глядѣвшихся въ прудѣ деревьевъ.

Время отъ времени надъ прудомъ пробѣгалъ легкій вѣтерокъ, онъ несъ съ собой ароматъ березъ и здоровый смолистый запахъ сосны, или тонкіе ароматы нѣжныхъ цвѣтовъ, разсѣянныхъ по лугу. Иногда вѣтерокъ нѣжно касался поверхности дремавшаго пруда и будилъ его, подымая ярко сверкавшую на солнцѣ зыбь. Птицы пролетали черезъ прудъ, ловя разныхъ мушекъ и насѣкомыхъ,—ихъ привлекала къ пруду его заманчивая, красивая гладь и нѣжные травки и цвѣты на берегу. Надъ поверхностью пруда постоянно шныряли и плясали красивыя стрекозы, съ своими радужными тѣльцами и огромными, блестящими, какъ брильянты, глазами.

Холодная темная вода подъ крутымъ берегомъ пруда постоянно сохраняла свою свѣжесть, сохраняла эту свѣжесть даже и въ самые знойные лѣтніе дни, потому что въ этомъ мѣстѣ изъ-подъ скалистаго берега выбивался ключъ съ холодной, какъ ледъ, водой. И вотъ тутъ-то, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ, сбирая дань со всего, что было доступно ей, жила владычица Золотого пруда, огромная форель.

Много лѣтъ уже эта форель властно распоряжалась въ этомъ прудѣ, несмотря на всѣ соблазны и приманки, которые разставляли хитрые рыболовы. Каждую весну и лѣто приходили сюда эти люди и старались всячески соблазнить заманчивую для нихъ форель. Но никогда царицу пруда не соблазняли ни плавающая въ водѣ на удочкѣ муха, ни серебристый, соблазнительный пескарь,—никогда царица не двинулась даже съ мѣста къ нимъ, никогда не рисковала она своей жизнью. Иногда только, соблазненная какой-нибудь новой, невиданной еще ею приманкой, она неохотно пускалась съ своего мѣста, высовывалась изъ воды почти всѣмъ своимъ тѣломъ, дразня страстнаго рыболова, разжигая въ немъ жгучее желаніе поймать ее,—но никогда не касалась она и этой невиданной приманки. Презрительно посмѣивалась она своимъ широкимъ ртомъ надъ этимъ хитрымъ обманомъ и, быстро сверкнувъ хвостомъ, спускалась къ своему мѣсту подъ скалой.

Для всего внѣшняго міра,—для всѣхъ этихъ стрекозъ, птицъ, болтливой красной бѣлки, перепрыгивавшей съ дерева на дерево,—для всѣхъ ихъ глубокая вода въ прудѣ у высокаго берега казалась темной. Для форели же въ ея владѣніяхъ, когда она глядѣла на солнце, все вверху казалось освѣщеннымъ блестящимъ золотомъ.

Любимымъ мѣстомъ форели было узенькое мѣстечко на

днѣ пруда между двумя камнями, гдѣ она и полеживала себѣ, приподнявъ голову немного вверхъ, къ теченію, съ брюшкомъ чуть-чуть касавшимся песчанаго дна. Тамъ она обыкновенно лежала, нѣжно колыхая воду своими раскрашенными плавниками и открывая и закрывая, когда дышала, свои бахромныя жабры. Длиной форель эта была около 20 дюймовъ, тѣло у нея было толстое, постепенно утончавшееся къ сильному хвосту. Такъ же, какъ и у другихъ форелей, водившихся въ этомъ ручьѣ, у царицы было серебристое брюшко, съ легкой розовой окраской, бока были желтоватаго цвѣта, постепенно переходившій въ темный, а спинка была ярко-краснаго цвѣта. Нижняя огромная челюсть форели была выдвинута нѣсколько впередъ, и это придавало ея выраженію свирѣпость бульдога.

Небомъ форели служила гладкая поверхность Золотого пруда. Изъ какихъ-то невѣдомыхъ мѣстъ за этимъ небомъ взорамъ форели являлись только движущіяся тѣни, постоянныя смѣны свѣта и тьмы. Ей нельзя было взглянуть безпрепятственно въ воздухъ, какъ смотримъ мы на міръ изъ нашего окна. Форель отлично знала большинство этихъ движущихся тѣней. Когда эти тѣни бывали широкими и большими, они нисколько не интересовали ее; но когда тѣни бывали маленькими, рѣзко отчетливыми, она знала, что то, что представляло эти тѣни, могло внезапно, съ всплескомъ прорѣзать поверхность воды и тогда... тогда, можетъ-быть, это будетъ тѣмъ лакомымъ кусочкомъ, отъ котораго никогда не прочь форель. Нѣкоторыя маленькія, какъ точки, тѣни были особенно интересны ей, если только она не была сыта по горло. Опытъ научилъ ее, что когда то, что производило такую тѣнь, касалось блестящей поверхности пруда, то обыкновенно и оставалось на ней, безпомощно растопыривъ свои намоченныя крылышки, и когда царица подплывала, то тѣнь эта оказывалась мушкой, а мушекъ форель очень любила. И такъ какъ у форели не было соперниковъ въ этомъ прудѣ, то ей и не приходилось особенно торопиться и спѣшить подплывать къ добычѣ. Царица обыкновенно всплывала со своего укромнаго мѣста съ достоинствомъ, медленно подплывала къ лакомому кусочку, раскрывала свою огромную пасть, и этотъ лакомый кусочекъ мгновенно исчезалъ.

Иногда двигавшіяся тѣни были велики, не такъ быстро передвигались, какъ маленькія, и когда то, что производило эти тѣни, проникало сквозь поверхность пруда, то оказывалось

или яркой бабочкой, или жесткимъ жукомъ, а иногда чернымъ съ желтымъ шершнемъ или блестящей осой. Эти насѣкомыя продолжали и въ водѣ безпокойно двигать своимъ тѣльцемъ. И если царица была голодна, то все это ей очень нравилось, все это служило ей хорошей пищей, а ея костистый ротъ со множествомъ зубовъ нисколько не боялся даже жала шершня. А когда форель не была голодна, а ей просто хотѣлось позабавиться,—она стремительно бросалась на упавшее на поверхность пруда насѣкомое, хлопала по немъ своимъ сильнымъ хвостомъ, потомъ подхватывала его своими губами и уносила съ собой внизъ, въ свое излюбленное мѣстечко, и потомъ спустя нѣкоторое время бросала свою добычу, какъ позабавившійся ребенокъ бросаетъ игрушку.

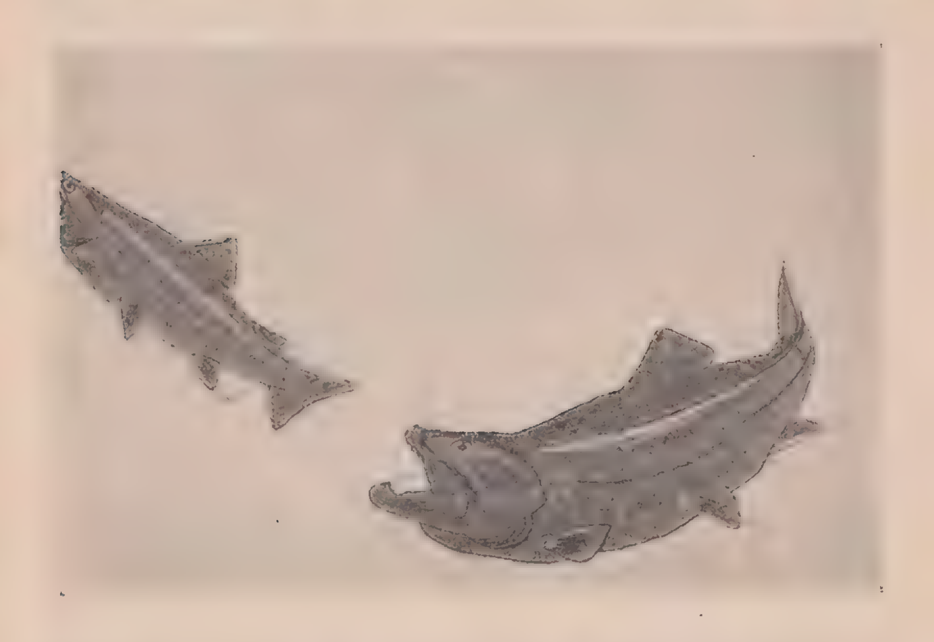
Рѣдко бывало, или почувствовавъ голодъ или желая позабавиться, бросится форель на опустившуюся къ пруду ласточку и совсѣмъ коснется лапокъ быстрокрылой птички, но никогда не схватитъ ее за лапки. А если бы она хотя разъ схватила ласточку и попробовала ее, то, навѣрное, перья ласточки быстро были бы искрошены острыми зубами форели, и ласточка была бы не менѣе лакомымъ блюдомъ, чѣмъ и насѣкомыя.

Случалось иногда и такъ, что показывалась не тѣнь, а на поверхности пруда происходилъ всплескъ, и этотъ всплескъ привлекалъ вниманіе царицы къ блестящей крышѣ ея міра. Это бывало тогда, когда падалъ въ прудъ кузнечикъ и, упавши, старался изо всѣхъ силъ выпрыгнуть изъ воды, пока, наконецъ, не захлебывался. А иногда пучеглазая лягушка, преслѣдуемая кѣмъ-нибудь или напуганная своимъ врагомъ, ныряла въ воду и, широко разставивъ свои перепончатыя лапки, проплывала недалеко отъ форели. Царица обыкновенно не могла потерпѣть такой дерзости и, какъ пуля, вылетала изъ своего убѣжища. Лягушекъ она тоже очень любила.

Одинъ разъ лѣсная мышка, обезумѣвъ отъ страха, бросилась въ прудъ и поплыла къ противоположному берегу. Такой случай былъ впервые въ жизни форели; она подплыла къ мышкѣ и нѣкоторое время плыла около нея, пока не убѣдилась, что мышь не представляла собой предательской приманки. Какъ только она убѣдилась въ этомъ, тотчасъ же мышь исчезла въ ея пасти. А ужъ послѣ этого случая, когда царицѣ пруда приходилось видѣть плывущую мышь, форель не разсуждала больше, а стремительно бросалась къ мыши, такъ стремительно,

что даже высовывалась своимъ туловищемъ изъ воды и схватывала своей зубастой пастью несчастнаго мышку.

Но не однимъ этимъ путемъ царица пруда добывала себѣ пропитаніе. Огромная часть ея припасовъ приносилась ей ручьемъ. Ручьемъ приносились царицѣ пруда, какъ дань, клопы, жучки, личинки, червяки, попавшіе гдѣ-то далеко въ ручей и унесенные его теченіемъ. Нѣкоторые были еще съ признаками жизни, другіе—мертвы, но всѣ они годились на обѣдъ форели. Кромѣ того, въ прудѣ были еще и маленькія рыбки. Часто рыбки эти были такъ шаловливы, такъ не знали

еще свѣта и всѣхъ тѣхъ опасностей, которыми полна жизнь, что легко попадались въ пасть форели. Между этими рыбками попадалась плотва, красноперые окуньки, караси, попадались даже и маленькія форельки,—огромная форель не брезгала ѣсть и своихъ маленькихъ родственниковъ, если они зазѣваются. Широкая пасть форели была такъ велика, что она свободно могла схватить рыбу раза въ три поменьше ея самой. Она хватала ее за голову и сначала проглатывала голову, а затѣмъ и остальное туловище.

Скорость, съ которой двигалась царица пруда, была такъ велика, такъ стремительно она двигалась въ водѣ, что никакая рыбка поменьше не въ состояніи бывала избѣгнуть своей злой

участи. Только мелкая вода на отлогомъ берегу спасала отъ преслѣдованія неумолимой властительницы пруда,—на мелкое мѣсто форель не рѣшалась выплывать.

Когда царица пруда бывала сыта или была въ дурномъ настроеніи, она обыкновенно лежала подъ скалой и позволяла и другимъ рыбамъ похозяйничать въ прудѣ. Но другія рыбы и въ эти минуты не забывали осторожности и старались держаться на почтительномъ разстояніи отъ того мѣста, среди камней, гдѣ покоилась царица. А маленькія рыбешки спѣшили тогда на мелкое мѣсто и тамъ вволюшку играли подъ лучами яркаго, теплаго солнца. Иногда въ прудѣ появлялась какая-нибудь большая рыба, не меньше самой царицы, и тогда царица форель благосклонно позволяла ей поплавать, не желая утруждать себя напрасной борьбой.

Но случалось и такъ, что въ прудѣ появлялся необыкновенный звѣрокъ—выхухоль. Выхухоль плыла на другую сторону пруда, къ лужку, покрытому цвѣтущимъ шпажникомъ, плыла, поджавъ подъ шеей переднія лапки и быстро двигая въ водѣ длинными задними лапами. Длинный блестящій слѣдъ оставался по водѣ отъ выхухоли, и поверхность пруда, бывало, долго послѣ этого не можетъ притти въ свое прежнее спокойное состояніе. Огромная форель посмотритъ сердито на этого пришельца, взмахнетъ недовольно хвостомъ, броситъ еще разъ—другой недовольный взглядъ, но все-таки не двинется съ мѣста. Она хорошо знаетъ, что выхухоль соперникъ не по силамъ ей, слишкомъ остры и крѣпки зубы у выхухоли. И царица пруда старается забыть обиду этого вторженія въ ея владѣнія и высматриваетъ тогда такую добычу, на которой она свободно могла бы выместить свой разгорѣвшійся гнѣвъ.

Но было въ жизни царицы два событія, и событія эти неизгладимо запечатлѣлись въ ея памяти. Эти событія такъ ошеломили въ свое время царицу, что она совсѣмъ было растерялась и подумывала отказаться отъ своихъ владѣній. Въ особенности сильно подѣйствовало на нее одно обстоятельство, которое на самомъ дѣлѣ было не такъ важно.

Однажды лѣтомъ, въ полдень, когда весь прудъ дрожалъ отъ золотистаго солнечнаго свѣта и огромная форель отдыхала у себя, широко разставивъ плавники и наслаждаясь прохладой ледяного ключа, выбивавшагося недалеко отъ нея изъ-подъ скалы, блестящая поверхность пруда раскрылась, и раздался страшный всплескъ. Длинное бѣлое тѣло, во много

разъ длиннѣе тѣла царицы, опустилось въ воду, нырнуло, достигло до дна и потомъ снова поднялось на поверхность. Это страшное созданіе плавало съ широко растопыренными членами, хлопало ими по водѣ и испускало какіе-то удивительные, неслыханные здѣсь доселѣ звуки. Созданіе это производило такое волненіе воды въ прудѣ, что колыханіе воды чувствовалось, кажется, во всѣхъ уголкахъ его. Казалось, что случилось нѣчто ужасное и сейчасъ все должно разрушиться и погибнуть.

Форель была такъ напугана, что и не подумала изслѣдовать, въ чемъ было дѣло, а сломя голову бросилась въ ручей, быстро поплыла вверхъ по теченію, доплыла до водопада, почти за версту отъ пруда, и забилась тамъ въ темной дырѣ подъ корнями деревьевъ. И только ужъ нѣсколько часовъ спустя, когда человѣкъ кончилъ купаться, одѣлся и ушелъ, весело насвистывая что-то, только тогда рѣшилась царица форель вернуться снова въ свои владѣнія.

Къ своему негодованію, царица нашла свое мѣсто занятымъ другой форелью, только поменьше ея; съ бѣшенствомъ она бросилась на дерзкую рыбу, посягнувшую на ея права и вмигъ покончила съ ней. Только послѣ этого успокоилась немного царица и снова важно и съ достоинствомъ расположилась у себя.

Нѣсколько дней еще царица все была настсрожѣ, все время ждала: не появится ли снова огромная тѣнь, не раздастся ли снова страшный всплескъ. И каждый моментъ она готова была стремительно бѣжать изъ своихъ владѣній.

Другой случай въ ея жизни былъ гораздо серьезнѣе, хотя и не оставилъ въ форели такихъ ужасныхъ воспоминаній. Царица пруда если и вспоминала про этотъ случай, то главнымъ образомъ потому, что случай этотъ напоминалъ ей, какую ловкость, быстроту и стремительность надо вообще имѣть въ своей жизни форели. На самомъ же дѣлѣ этотъ случай представлялъ для форели страшную опасность, такую, отъ которой, вообще говоря, трудно уйти живой.

Однажды царица пруда увидала небольшое темное тѣло, быстро плывшее по поверхности пруда. Голова этого созданія была надъ водой. Плывшее животное находилось саженяхъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ была форель, и, очевидно, направлялось къ ручью, чтобы плыть потомъ вверхъ по его теченію. Это странное животное не имѣло плавниковъ, а гребло

ногами, какъ и выхухоль, но было длиннѣе и тоньше выхухоли. Что-то въ движеніяхъ этого животнаго, въ его поведеніи было такое, что сразу же толкнуло форель и пробудило въ ней дремавшій инстинктъ и предчувствіе опасности.

Вдругъ животное это опустило голову въ воду и тотчасъ же нащупало своимъ острымъ зрѣніемъ огромную форель въ ея золотисто-желтомъ мѣстечкѣ. И треугольная голова животнаго, съ заостреннымъ носомъ, съ блестящими, кровожадными глазками сразу же сказали все форели. Да, это былъ тотъ врагъ, отъ котораго надо было бѣжать во что бы то ни стало, съ нимъ невозможно бороться, гибель была бы неизбѣжна.

Выдра (это была она) сразу же нырнула и бросилась къ царицѣ пруда съ такой быстротой, какъ самая сильная, ловкая рыба. Едва ли какая-нибудь форель спаслась бы отъ этого стремительнаго нападенія жестокаго звѣрка. Но царица пруда была далеко не обыкновенная форель. Она во-время поняла, что надо спасаться. И въ тотъ моментъ, какъ выдра готова была схватить ее, царица быстрымъ взмахомъ своего сильнаго, мускулистаго хвоста, какъ пуля вылетѣла изъ своего убѣжища, и выдра уткнулась носомъ въ камыши, между которыми форель только-что лежала. Прежде чѣмъ озадаченная выдра сообразила въ чемъ дѣло и успѣла перемѣнить направленіе, форель была сажени на полторы впереди выдры и неслась вверхъ по теченію ручья къ водопаду.

Горя мщеніемъ, выдра бросилась преслѣдовать форель, но, достигши водопада, потеряла ея слѣдъ въ пѣнящейся водѣ. Раздосадованная, недовольная, выползла выдра на берегъ и, къ своему утѣшенію, нашла мертваго окуня, въ котораго она съ жадностью вцѣпилась. А полчаса спустя послѣ этого царица Золотого пруда снова появилась на своемъ обычномъ мѣстѣ подъ скалой, нѣжась своимъ брюшкомъ на желтомъ песочкѣ между камнями и закусывая зазѣвавшимся ракомъ.

Какъ-то рано утромъ, когда весь міръ царицы Золотого пруда былъ окутанъ серебристо-сѣрымъ туманомъ и по стеклянной поверхности крыши владѣній форели розовые полосы свѣта смѣшивались съ причудливыми тѣнями обволакивавшаго прудъ тумана, прямо надъ головой царицы пруда упала какая-то удивительно странная мушка. У нея было искривленное тѣльцо, покрытое желтыми длинными волосками,

тѣльцо это было совсѣмъ черное около шейки, а крылья были черныя съ бѣлымъ. Мушка эта упала на воду съ такимъ слабымъ всплескомъ, что едва-едва обратила своимъ шумомъ вниманіе форели. Такъ какъ насѣкомое это было совсѣмъ не такого вида, какія попадались на этомъ прудѣ, то царица заинтересовалась имъ и немного подалась впередъ. Мгновеніе спустя и вторая мушка коснулась воды: эта была свѣтло-сѣраго цвѣта, съ желтымъ брюшкомъ и съ зеленоватыми волосками вокругъ шеи. И эта мушка показалась царицѣ совсѣмъ незнакомой и странной. Царица двинулась поближе къ нимъ, чтобы внимательнѣе изслѣдовать, что же это такое. Она и не думала глотать ихъ, а только хотѣла разсмотрѣть хорошенько, какъ она привыкла вообще изслѣдовать все то, что касалось ея пруда. И какъ разъ въ тотъ же моментъ въ этомъ мѣстѣ пруда разорвался туманъ и сразу же воду пруда пронизали лучи прорвавшагося свѣта, и тутъ-то царица увидала, какъ отъ упавшихъ въ прудъ этихъ интересныхъ мушекъ шла чуть-чуть замѣтная ниточка. Презрительнымъ движеніемъ хвоста царица повернулась отъ этихъ мушекъ и уплыла къ себѣ подъ скалу. Она слишкомъ хорошо понимала назначеніе этой тонкой ниточки. Это пониманіе было унаслѣдовано ею отъ дѣдовъ и прадѣдовъ.

Эти странныя мушки плавали по поверхности пруда такъ соблазнительно, что невольно привлекали къ себѣ вниманіе большинства форелей. Эти мушки двигались къ какому-то удивительному существу, стоявшему, какъ казалось царицѣ пруда, на двухъ столбахъ и медленно двигавшемуся по берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода была глубиной съ полсажени. Двигалось это существо, двигались и мушки, а потомъ вдругъ эти мушки совсѣмъ исчезли съ пруда. Минуту спустя мушки снова появились на поверхности и задвигались по ней такъ же, какъ и раньше. Такъ повторилось нѣсколько разъ, и царица форель все время наблюдала эту сцену съ интересомъ, смѣшаннымъ съ презрѣніемъ. Подобныя штуки, она знала, были для нея опасны.

Но вотъ, наконецъ, мушки исчезли совсѣмъ. Нѣсколько минутъ спустя на ихъ мѣсто явились новыя, другія—одна была бѣлая, тонкая, какъ бабочка, а другая большая, представлявшая собой пучокъ волосковъ малиноваго цвѣта. Послѣдняя мушка вызвала въ форели болѣзненныя воспоминанія ужаса, пережитаго уже давнымъ давно, когда она была еще очень молода и неопытна, и царица, при этихъ воспоминаніяхъ, невольно попятилась назадъ и укрылась подальше между камнями.

Это была искусственная муха на крючкѣ удочки, и въ дни своей молодости, когда царица была только восьми дюймовъ длины, она узнала, что значитъ эта привлекательная на видъ, но, на самомъ дѣлѣ ужасная, мушка. Тогда царица любила посѣщать мелкія мѣста и пѣнистую воду около водопада въ ручьѣ. Она не обратила вниманія на другую, плававшую рядомъ, мушку, но эта малиноваго цвѣта мушка показалась ей лакомымъ кусочкомъ, въ особенности тогда, когда она такъ ловко и живуче плясала и шевелилась по поверхности воды. Когда эта мушка оказалась около того камешка, около котораго терлась тогда еще молодая и неопытная царица,—царица соблазнилась и схватила ее. И въ тотъ же моментъ что-то рвануло, и мушка внезапно скрылась и исчезла навсегда надъ водой. Что-то нестерпимо больно жгло во рту, и царица съ ужасомъ поняла, что она поддалась на приманку. Еще спустя минуту она увидѣла существо на двухъ высокихъ столбахъ, бросавшихъ тѣни на прудъ. Существо это, бывшее до сихъ поръ незамѣтнымъ, двигалось теперь съ шумомъ по берегу и удалялось отъ пруда.

Царица поспѣшила въ самое глубокое мѣсто пруда, все время ощущая нестерпимую боль въ одной сторонѣ своей пасти. Нѣсколько часовъ не выходила она изъ своего убѣжища, зорко наблюдая всякихъ падавшихъ на прудъ мушекъ и ища глазами, нѣтъ ли ниточекъ, къ которымъ привязаны эти мушки. И, только окончательно успокоившись, она стала подбирать, наконецъ, съ поверхности пруда тѣхъ насѣкомыхъ, которыя не представляли никакой опасности для ея жизни.

Эта огромная форель имѣла полное основаніе бояться заманчивыхъ приманокъ на удочкахъ. Этотъ случай съ удивительной мухой одарилъ форель достаточной мудростью, чтобы прожить затѣмъ долгую жизнь въ мѣстахъ, хорошо извѣстныхъ всѣмъ рыболовамъ, стать огромной, извѣстной во всей округѣ и все-таки избѣжать попасться на удочку. Кромѣ этой мушки, на которую попалась форель еще въ дни своей юности, были и другіе случаи, отъ которыхъ жизнь форели висѣла на волоскѣ и много разъ казалось, что пѣсенка ея уже спѣта.

Одинъ случай былъ особенно ужасенъ, и царица едва осталась жива. Спасло царицу только то обстоятельство, что леска, на которой былъ привязанъ крючокъ, оказалась слаба и порвалась. Форель схватила приманку, но тотчасъ же почувствовала страшный толчокъ; она рванула въ сторону, но вмѣсто этого ее потянуло съ неудержимой силой туда, куда она вовсе не

хотѣла. Вотъ она уже надъ водой, но вдругъ снова съ страшнымъ всплескомъ падаетъ въ воду и чувствуетъ, что можетъ плыть туда, куда хочетъ. Изо всѣхъ силъ понеслась царица къ водопаду и забилась въ пѣнящейся водѣ подъ корнями деревьевъ.

Изо рта у нея волочилась нитка съ полсажени длиной, волочились и ея прекрасныя тонкія кишки. Въ верхней челюсти чувствовалась жгучая боль, тамъ, въ хрящѣ, засѣлъ острый крючокъ. Долго, долго послѣ этого терлась форель своей мордой о мелкіе камушки и о песокъ, она худѣла съ каждымъ днемъ, стала совсѣмъ плоской, какъ доска, но съ неутомимой энергіей продолжала она тереться о камни, стирала свой нѣжный хрящъ, и наконецъ-то ей удалось освободиться отъ острой смертоносной стали крючка.

Медленно послѣ этого стала она поправляться, изо дня въ день становилась полнѣе. Но эта долгая болѣзнь и страданія, эта волочившаяся вездѣ за ней нитка и жегшій ее крючокъ дали ей возможность хорошо изучить и понять хитрыя орудія человѣка. Теперь она стала еще мудрѣе, еще осторожнѣе, и теперь она предварительно самымъ внимательнымъ образомъ изслѣдовала все малоизвѣстное ей, и только тогда брала добычу, когда окончательно убѣждалась, что за этимъ кусочкомъ нѣтъ предательской нитки.

Если кому-нибудь изъ дикихъ обитателей животнаго міра,— будутъ ли то пушные звѣри, пернатыя или рыбы,—удастся хотя бы одинъ разъ въ своей жизни понять, въ чемъ заключается обманъ и хитрость человѣка въ отношеніи ихъ, и если имъ удастся одолѣть этотъ обманъ и хитрость, —судьба ихъ обезпечена.

Разумѣется, нѣтъ такого звѣря, птицы или рыбы, которыхъ бы не могъ въ концѣ концовъ одолѣть человѣкъ; если человѣкъ считаетъ дѣло стоящимъ этого, то онъ добьется успѣха. Найдетъ онъ наконецъ и такую приманку, на которую попадется и опытная форель. Можетъ-быть, онъ придумаетъ какой-нибудь хитрый способъ, чтобы скрыть совсѣмъ нить отъ удочки, и проведетъ этимъ форель. Можетъ-быть, человѣкъ воспользуется лягушкой или могущей еще плыть мышкой или же какой-нибудь ночной бабочкой и въ безлунную ночь все-таки обманетъ и такую мудрую, осторожную форель. Конечно, все это можетъ быть. Но для этого необходима рѣдкая настойчивость, упорство и изобрѣтательность со

стороны рыболова. Къ счастью для рыбъ, такіе рыболовы попадаются рѣдко, да если и попадаются, то сосредоточиваютъ свое вниманіе исключительно на томъ, чтобы поймать какой-нибудь особенно рѣдкій, драгоцѣнный для нихъ экземпляръ. Къ счастью для царицы Золотого пруда, на прудъ этотъ большею частью являлись только обыкновенные рыболовы, и мать-природа, давъ возможность форели изучить нѣкоторыя приманки и хитрости людей, обезпечила ей долгую жизнь и предохранила ее отъ того, чтобы попасться людямъ.

Дикимъ обитателямъ животнаго міра трудно бываетъ достигнуть глубокой старости. Жизнь ихъ слишкомъ полна всякихъ опасностей, слишкомъ много въ ней случайностей, всегда надо беречься карауляющаго врага. Но если и приходится имъ доживать до глубокой старости, все-таки они не кончаютъ свою жизнь естественной смертью, ихъ всегда ждетъ трагическая развязка. Къ старости начинаетъ измѣнять имъ сила, та сила, которая давала имъ возможность бороться съ врагомъ, бѣжать отъ него или перехитрять его. А ослабѣваетъ сила, и жизнь становится несноснымъ мученіемъ. Но это продолжается не долго. Судьба подстерегаетъ ихъ. Они становятся слишкомъ стары, чтобы видѣть такъ зорко, какъ раньше, слишкомъ отяжелѣваютъ, чтобы достаточно быстро убѣгать, а затѣмъ у нихъ появляется какое-то безразличіе ко всему.

Но царица Золотого пруда не дожила до этого времени. Судьба ея свершила надъ ней свой приговоръ еще тогда, когда она была полной владычицей пруда, когда никто въ немъ не смѣлъ еще оспаривать ея верховныхъ правъ. И послѣдній часъ свой царица форель встрѣтила съ полнымъ достоинствомъ, она показала, какимъ она была сильнымъ противникомъ.

Въ одно свѣжее ясное осеннее утро, когда на поверхность пруда въ изобиліи падали пожелтѣвшіе листья, когда совсѣмъ уже мало стало насѣкомыхъ и особенная свѣжесть воды наполняла форель неудержимой дѣятельностью и вмѣстѣ съ этой дѣятельностью чувствомъ голода,—царица не могла лежать спокойно и лѣниво у себя въ глубинѣ подъ скалой, а проворно шныряла по всему пруду и, наконецъ, выбралась на самое мелкое мѣсто пруда. Она подплыла уже къ бережку въ этомъ мелкомъ мѣстѣ и тутъ только замѣтила, какъ въ верхнемъ концѣ пруда какое-то длинное, темное тѣло безшумно опустилось въ воду. Это не была выхухоль, царица хорошо ее знала,—

этотъ звѣрь былъ въ нѣсколько разъ больше выхухоли. Звѣрь этотъ подвигался впередъ быстрыми движеніями своихъ переднихъ ногъ въ то время, какъ заднія ноги его и хвостъ тоже работали какъ кормовое весло. Звѣрь этотъ плылъ такъ, что могло показаться, что онъ былъ и четвероногимъ и рыбой. Форель сразу же увидала, что это, должно быть, страшный противникъ, и укрылась за камнемъ, надѣясь, что если она будетъ спокойно лежать тамъ, то ей удастся укрыться отъ свѣтлыхъ глазъ чуждаго ей звѣря.

Но незнакомый ей звѣрь, оказалось, былъ голоденъ и охотился. Это была выдра, но особенной породы, гораздо больше обыкновенной. Для выдры форель являлась лакомой пищей, а ея свѣтлые, зоркіе глаза, безпокойно осматривавшіе каждый уголокъ пруда, замѣтили, разумѣется, и царицу форель съ ея серебристымъ брюшкомъ и ярко-красной спинкой съ двигавшимися плавниками.

Съ необычайной скоростью, съ такой скоростью, съ какой могутъ плавать только рыбы, переплыла выдра весь прудъ. Форель поняла, что ее увидѣли, и съ безумной поспѣшностью бросилась къ себѣ въ глубину. Выдра устремилась за царицей. Если была быстра форель, то выдра не отставала отъ нея въ скорости. Она дѣйствовала своими задними ногами и хвостомъ, какъ пароходнымъ винтомъ, и съ каждой секундой проталкивала себя все ближе и ближе къ форели, разстояніе между ними становилось все меньше и меньше. И въ то время, когда форель готовилась скрыться между камнями подъ скалой, въ ея спину впились острые зубы выдры, и черезъ нѣсколько мгновеній все было готово. Съ торжествомъ всплыла выдра на поверхность пруда, таща въ своей пасти огромное тѣло царицы форели.

Много дней прошло послѣ гибели царицы, а Золотой прудъ, покрываемый все больше и больше золотистыми, багровыми и желтыми листьями, пустовалъ: никто изъ обитателей его, мелкихъ рыбъ, не рѣшался свободно разгуливать, боясь попасться на глаза царицѣ форели. Затѣмъ мало-по-малу стали по-двое и по-трое выплывать мелкія форели. Онѣ все смѣлѣе и свободнѣе разгуливали въ прудѣ и находили, что прудъ этотъ далеко недурное мѣстечко, въ немъ можно хорошо пожить. Затѣмъ онѣ стали пробираться и къ любимому мѣстечку

царицы подъ скалой и нашли его пустымъ. Прудъ быстро сталъ наполняться мелкой рыбой.

На слѣдующую весну явились сюда рыболовы и удивились обилію мелкой рыбы. Старый опытный рыболовъ, все мечтавшій поймать огромную форель царицу, скоро убѣдился, что она исчезла отсюда, а за мелкой рыбешкой ему не стоило трудиться, и онъ ушелъ.

Обитатели Золотого пруда зажили новой жизнью.

СОДЕРЖАНІЕ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ „БИБЛІОТЕКИ
И. Горбунова-Посадова
для дѣтей и для юношества“.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ.

Воздушный царь. Разсказъ **Ч. Робертса**. Переводъ съ англійскаго П. Буланже. Съ 10 рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

I. Всюду чужой. II. Царица Золотого пруда. Два разсказа **Ч. Робертса**. Переводъ съ англійскаго П. А. Буланже. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

I. Джокъ-водяная крыса. Разсказъ **Бенсюзана**. Переводъ съ англійскаго П. Буланже. **II. Васька**. Разсказъ **Н. Михайлова**. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Домъ въ водѣ. Разсказъ изъ жизни бобровъ **Ч. Робертса**. Переводъ съ англійскаго П. А. Буланже. Съ рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Лисъ Домино. Исторія серебристой лисицы изъ окрестностей Гольдура. Разсказъ **Э. Сетонъ-Томпсона**. Перев. П. А. Буланже. Съ рисунками автора. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к.

Лось съ бѣлой отмѣтиной. Разсказъ **Ч. Робертса**. Переводъ съ англійскаго П. Буланже. Съ 8 рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

Мико-проказница. Исторія красной бѣлки. Разсказъ **В. Лонга**. Переводъ съ англійскаго А. Л. Толстой. Съ рисунками **Копеланда**. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

I. Охотникъ въ сосновомъ бору. II. Сова. Два разсказа **Ч. Робертса**. Перев. съ англійскаго П. А. Буланже. Съ рисунками. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

Приключенія красногрудаго реполова и его жены. Повѣсть **Кертона**. Переводъ съ англійскаго П. А. Буланже. Со множествомъ рисунковъ.

КНИГИ ПО ПРИРОДОВѢДѢНІЮ.

Въ царствѣ природы. Начальное природовѣдѣніе, основанное на наблюденіи и изложенное съ біологической точки зрѣнія **Е. Вальтера**. Переводъ съ нѣмецкаго Л. и Ж. Караваевыхъ. Подъ редакціей **С. А. Порѣцкаго**. Со множествомъ рисунковъ и набросковъ. Ц. 65 к., въ папкѣ 85 к.

Другъ животныхъ. Часть вторая. Выпускъ II. **Жизнь въ лѣсу**. Составила В. Лукьянская. Со множествомъ рисунковъ. Въ литографированной обложкѣ, рисованной Н. И. Живаго. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 55 к.

Какъ птицы строятъ гнѣзда. **М. Брэсса**. Переводъ съ нѣмецкаго С. А. Порѣцкаго. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

Краткій опредѣлитель важнѣйшихъ минераловъ. Пособіе для практическихъ занятій по минералогіи при домашнемъ и школьномъ обученіи. Составилъ Е. И. Поповъ. Съ 27 рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 25 к.

Эти книги можно выписывать изъ главнаго склада издательства (Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, **И. И. Горбунову**), изъ книжнаго магазина **„Посредникъ“** (Москва, Петровскія линіи) и изъ всѣхъ другихъ книжныхъ магазиновъ.

Каталогъ издательствъ высылается изъ главнаго склада безплатно.

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Разсказы Вильяма Лонга.

*Съ рисунками художника **Копеланда.***

БРАТИШКА МЕДВѢДЯ. Разсказъ изъ жизни енотовъ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 19-ю рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

ВЪ ЦАРСТВѢ ПТИЦЪ. Выпускъ I. Орелъ „Подоблачныя крылья“.—Старый буковый тетеревъ.—Чжи-джи-лохъ-сисъ. Переводъ съ англійскаго Е. Б., Н. А. Петровской и другихъ. Ц. 25 к.; въ папкѣ 40 к.

Выпускъ II. ВАЛЬДШНЕПЪ—ЛѢСНОЙ ОТШЕЛЬНИКЪ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 15-ю рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ВАПТОНКОМЪ ДИКИМЪ. Разсказъ изъ жизни дикихъ гусей. Переводъ съ англійскаго. Съ рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

I. ЛѢТНЯЯ БЕРЛОГА МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ТОПТЫГИНА.—II. КАКЪ ЖИВОТНЫЯ ЛѢЧАТСЯ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

МИКО-ПРОКАЗНИЦА. Исторія красной бѣлки. Переводъ съ англійскаго **А. Л. Толстой.** Съ 15-ю рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

ОХОТА БЕЗЪ РУЖЬЯ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Со многими рисунками. Ц. 15 к.; въ папкѣ 25 к.

ШКОЛА ЛѢСОВЪ. Выпускъ I. По дорогѣ въ школу.—Что надо знать косулямъ.—Крикъ въ ночи.—Исмакуесъ рыболовъ.—Школа рыбной ловли. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 45-ю рисунками. Ц. 30 к.; въ папкѣ 45 к.

Выпускъ II. Встрѣча съ медвѣдемъ.—Перекличка куропатокъ.—Голубая цапля. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 35-ю рисунками. Ц. 30 к.; въ папкѣ 45 к.

Выпускъ III. Богатырь лѣсовъ.—Уинкъ-вуинкъ (динобразъ).—Забавы одного лѣнтяя.—Счастливая жизнь.—Какъ животныя умираютъ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 43-я рисунками. Ц. 40 к.; въ папкѣ 55 к.

Выпускъ IV. Маленькіе строители.—Кіонекъ рыболовъ.—Хекуимъ—ночной голосъ. Переводъ съ англійскаго **А. Ульяновой.** Съ 19-ю рисунками. Ц. 30 к.; въ папкѣ 45 к.

Разсказы другихъ авторовъ:

ПЕРГО ЛУИ. Судьба Гупиля. Разсказъ изъ жизни одной лисицы. Переводъ съ французск. **А. Сапирштейнъ.** Съ рисунк. Алисова. Ц. 16 к.; въ папкѣ 30 к.

КЕРТОНЪ. Приключенія красногрудаго реполова и его жены, разсказанныя имъ самимъ. Переводъ съ англійскаго **П. Буланже.** Со множествомъ рисунковъ. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к.

ИНСАЙНЪ. Мой другъ слонъ. Переводъ съ англійскаго **П. Буланже.** Съ рисунками. Ц. 12 к.; въ папкѣ 25 к.

ПОКРОВСКІЙ, С. I. У стараго дуба. (Изъ жизни вальдшнепа.) **II. Хоръ.** Разсказъ изъ жизни сѣвернаго оленя. Со многими рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

РАГОЗА, Н. Король колючихъ зарослей.—Жако.—Въ лѣсу.—Птица быстринъ. Съ рисунками. Ц. 30 к.; въ папкѣ 50 к.

I. БЕНСЮЗАНЪ. Джокъ—водяная крыса. Съ англійскаго переводъ **П. Буланже. II. МИХАЙЛОВЪ, Н. Васька.** Разсказъ о мангустѣ. Съ рисунками. Ц. 20 к.; въ папкѣ 35 к.

Продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ“ (Москва, Петровскія линіи) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать изъ главнаго склада издательства: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. ГОРБУНОВУ

Отсюда же высылается безплатно полный каталогъ издательства.

Цѣна 10 коп.

Въ папкѣ 20 коп.